

МИХАИЛ
РЫКЛИН

КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ В СЕМЕЙНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ОБРЕЧЕННЫЙ ИЖАР

Критика и эссеистика

Михаил Рыклин

**Обреченный Икар. Красный
Октябрь в семейной перспективе**

«НЛО»

2017

Рыклин М. К.

Обреченный Икар. Красный Октябрь в семейной перспективе /
М. К. Рыклин — «НЛО», 2017 — (Критика и эссеистика)

ISBN 978-5-4448-0878-8

В этой книге известный философ Михаил Рыклин рассказывает историю своей семьи, для которой Октябрьская революция явилась переломным и во многом определяющим событием. Двоюродный дед автора Николай Чаплин был лидером советской молодежи в 1924–1928 годах, когда переворот в России воспринимался как первый шаг к мировой революции. После краха этих упований Николай с братьями и их товарищи (Лазарь Шацкин, Бесо Ломинадзе, Александр Косарев), как и миллионы соотечественников, стали жертвами Большого террора – сталинских репрессий 1937–1938 годов. Трагична и судьба родного деда автора Сергея Чаплина – советского разведчика, арестованного по делу своего старшего брата, проделавшего вместе с будущим известным артистом Георгием Жженовым путь от ленинградских «Крестов» до колымского рудника и в конце концов расстрелянного. Однако у этой книги есть и другой, внутренний сюжет, основанный на размышлениях об обстоятельствах столетней давности, о непостижимых проявлениях социального и личного поведения частных людей и советского общества в целом: драматические события начала XX века остались в прошлом, но значит ли это, что они не могут повториться?

ISBN 978-5-4448-0878-8

© Рыклин М. К., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть 1.	17
К празднику революции	17
«Совесть России» обличает большевиков	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Михаил Рыклин
Обреченный Икар. Красный
Октябрь в семейной перспективе

© М. Рыклин, 2017,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

Памяти моей мамы
Сталины Сергеевны Чаплиной (1927 – 2002)

Предисловие Кайрос

Работая над этой книгой, я невольно задавался вопросом: почему пишу ее с таким опозданием? Почему только сейчас? Ведь еще двадцать лет назад были живы родственники, которых можно было расспросить о ее героях.

Но писать ее тогда в голову не приходило.

Речь в книге о дяде моей матери Николае Павловиче Чаплине, его брате – моем дяде Сергее Павловиче Чаплине, их друзьях и, главное, времени, на которое пришлось их короткие, трагически оборвавшиеся жизни. О времени события, величественно называвшегося в советские времена «Великой Октябрьской социалистической революцией», а теперь снисходительно именуемого в России «большевистским переворотом». Оно наполнило смыслом жизнь целого поколения; от его имени расправились с большинством из них.

В раннем детстве о них говорили шепотом; долгие годы толком не знали даже, живы они или нет. На запросы родственников при Сталине отвечали «как полагалось» – про расстрелянных говорили: «они получили “десять лет без права переписки”»; про погибших в лагерях (от непосильного труда, голода, холода, расстрелянных), что те умерли... от первых попавшихся болезней. Лишний раз переспрашивать никто не решался – так и самому недолго было стать «врагом народа».

Когда после смерти Сталина началась реабилитация, героев этой книги, как и сотни тысяч других жертв культа личности, оправдали «за отсутствием состава преступления» (некоторых еще до тайного доклада Никиты Хрущева на XX съезде КПСС). А Николая Чаплина даже посмертно восстановили в партии.

Еще через несколько лет, 12 апреля 1961 года, директор ленинградской школы торжественно призвал меня гордиться родственниками, которые внесли вклад в победу Октябрьской революции. Но запомнился тот день другим – в космос полетел Юрий Гагарин.

Дети часто чувствуют фальшь интуитивно, не умея объяснить, в чем именно она состоит. Гордиться теми, от кого еще недавно шарахались как от проклятых, не получалось. Тем более что во время оттепели канонизировалась только их жизнь – о том, как и почему они погибли, упоминать по-прежнему запрещалось.

Ни в школе, ни на философском факультете МГУ я не вступал в комсомол – организацию, одним из основателей которой был мой двоюродный дед.

Вообще заниматься историей КПСС, истматом или научным коммунизмом считалось у гуманитариев моего поколения признаком профессиональной несостоятельности и сулило разве что (хорошо оплачиваемую, но в интеллектуальном отношении третьестепенную) карьеру советского или партийного работника. В те времена действовало негласное правило: не вторгаться в контролируемую партией идеологическую сферу. Все, к чему прикасалась идеология, автоматически вызвало отторжение у тех, кто хотел заниматься наукой. Их привлекали логика, история философии, эстетика, современная западная философия. Тогда многие искали спасения в деполитизации, и я не был исключением: занимался влиянием философии Руссо на структурную антропологию Клода Леви-Стросса, потом писал о Мишеле Фуко, Жиле Делезе, Ролане Барте, Жаке Деррида, Теодоре Адорно, Вальтере Беньямине, Мартине Хайдеггере, Карле Яспере.

Редкие попытки говорить с выжившими родственниками о причинах Большого террора были безуспешны, наталкивались на стену молчания. Прикасаться к еще слишком свежим ранам никто не позволял.

На излете перестройки у моей мамы появилась возможность ознакомиться с ленинградским и колымским делами ее отца. В «Огоньке» в 1988 году появился рассказ Георгия Жженова «Саночки», в 1989 году «Ленинградская правда» посвятила Сергею Чаплину три объемистые статьи. Но тогда все это казалось безвозвратно ушедшим прошлым. Тем более, что упал железный занавес, появились возможности диалога с западной философией, от которой мы были оторваны три четверти века.

По-настоящему всемирно-историческое значение Октябрьской революции я оценил, как это ни странно, в Париже, в беседах с французскими философами (прежде всего с Жаком Деррида, Жаном Бодрийяром и Феликсом Гваттари) в начале 90-х годов. Их не особо интересовала русская национальная история (татаро-монгольское иго, опричнина, реформы Петра I, Александра II), но Октябрьская революция составляла исключение: они считали ее как бы частью мировой, в том числе и собственной истории, наследницей Великой Французской революции. Сталинистов среди них, естественно, не оказалось, но сочувствовавшие в молодости Ленину и Троцкому были. Выяснялось, что у революции, ставившей целью уничтожение капитализма, была теневая, скрытая от ее участников сторона, бывшая для моих собеседников главной. Большевики видели мировой характер своей революции в ее продвижении на Запад, в совершении аналогичных революций в Европе. Они ошиблись – ни одно развитое буржуазное общество не дало себя экспроприировать на манер российского. Несколько поколений западных интеллектуалов видели мировое значение русской революции в том, что она вызвала к жизни альтернативный капитализму проект, ограничив тем самым его глобальные притязания, заставив считаться с интересами рабочих, женщин, колонизированных народов. Как здесь не вспомнить диалектику Гегеля, на которую так любили ссылаться в СССР: все совершалось не так, как хотели непосредственные участники события, а так, как хотел мировой дух, проявлявший себя через них. Красный Октябрь – фрагмент мировой истории, прихотливо встроенный в историю России. В конечном итоге, бросив буржуазии радикальный вызов, он развил и стабилизировал то, что претендовал уничтожить (так же как национал-социализм, задавшийся целью уничтожить «еврейский коммунизм», способствовал стабилизации сталинского режима).

«... Историю “короткого двадцатого века”, – пишет историк Эрик Хобсбаум, – нельзя понять без русской революции и ее прямых и косвенных последствий. Фактически она явилась спасительницей либерального капитализма, дав возможность Западу выиграть Вторую мировую войну против гитлеровской Германии, дав капитализму импульс к самореформированию, а также поколебав веру в незыблемость свободного рынка благодаря явной невосприимчивости Советского Союза к Великой депрессии»¹.

Страна-лаборатория, не сумев заразить Запад своим примером, стала экспортировать через Коминтерн свою модель революции, не понимая, что мировой в глазах западных интеллектуалов она была именно как *русская революция*. Альтернативу капитализму удалось создать именно в этом месте потому, что в нем он только зарождался. Большевики хотели разбить старый мир, а на самом деле держали перед ним зеркало, в котором отражались его наиболее отталкивающие черты. Это послужило стимулом для перемен.

Лидером молодежи, которая «штурмовала небо», бредила мировой революцией, был в 20-е, относительно благополучные, годы нэпа Николай Чаплин. Он и его друзья, в том числе Александр Косарев, Лазарь Шацкин, Бесо Ломинадзе, поклялись посвятить жизнь делу партии. Когда по настоянию Ленина в 1921 году запрещали фракции внутри ВКП(б), они с энтузиазмом за это проголосовали. Расправу с теми, кого относили к «эксплуататорским классам», они оправдывали интересами мировой революции. Свое членство в партии понимали как доб-

---

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914 – 1991). М.: Издательство «Независимая газета», 2004. С. 96.

ровольный отказ от права самостоятельно мыслить, иметь отличную от партийной точку зрения. Когда Николай советовался со старшими товарищами (Крупской, Орджоникидзе, Кировым) о том, как жить правильно, то есть по-ленински, его призывали верить партии и зажигать этой верой других. Возможность того, что его мнение не совпадет с голосом большинства, даже не обсуждалась, отвергалась как заведомо еретическая.

Поэтому, читая официальные, агиографические жизнеописания Чаплина, Косарева, Шацкина, можно подумать, что никаких разногласий с ВКП(б) у них никогда не было, а смерть их была результатом необъяснимого произвола, списываемого на культ личности Сталина. На самом деле, как следует из протоколов допросов Сергея Чаплина в феврале 1939 года, после снятия Николая с должности секретаря Закавказского крайкома он критиковал Сталина, обсуждал с друзьями возможность его смещения. И оба младших брата, Сергей и Виктор, его в этом поддерживали. Никакого покушения на Лазаря Кагановича брата, конечно, не готовили – даже подумать о таком кощунстве не могли, – но его самодурством возмущались и хотели видеть на его месте кого-то другого. Делалось все это не публично (фракции-то давно запрещены!), а конспиративно, келейно, в узком кругу, в глубокой тайне. Ирония ситуации заключалась в том, что лучше всего об их заговоре был осведомлен тот, против кого он был направлен, – Иосиф Сталин.

Наиболее трудным при написании этой книги был вопрос: как отнестись к ее героям? С одной стороны, они – цельные личности, посвятившие жизни победе мировой революции. С другой стороны, люди, готовые ради этой цели на все, жившие по правилам своей веры, отвергшие категорический императив как наследие старого мира, которому они объявили войну. Выбор тем более трудный, что в их числе были родственники, погибшие во цвете лет, сгоревшие в огне веры.

Материал, необходимый для написания этой книги, набирался медленно, постепенно. Сначала, во второй половине 50-х годов, это были устные рассказы Георгия Степановича Жженова о его знакомстве с моим дедом в «Крестах», этапе на Колыму, работе на лесоповале, протесте на руднике Верхний и гибели Сергея Чаплина. Их мне пересказывала мама. В те же годы семьям выдавались справки о реабилитации со стандартной формулировкой: дело закрыто «за отсутствием состава преступления».

В 70-е годы в СССР выходили выдержанные в идеологическом стиле книги и брошюры, посвященные жизни Николая Чаплина. На то, чтобы отделить содержавшиеся в них «зерна» (факты) от «плевел» (идеологически обусловленных вымыслов), понадобилось несколько десятилетий, за которые советское государство стало достоянием истории.

Во время перестройки появилась возможность ознакомиться с ленинградским и колымским делом Сергея Чаплина. В 1989 году появилась книга Георгия Жженова «От “Глухаря” до “Жар-птицы”» с рассказом «Саночки», содержащим одну из версий гибели моего деда на руднике Верхний осенью 1941 года. В августе того же года в газете «Ленинградская правда» увидели свет три обширные статьи под общим названием «Другая жизнь мне не нужна», посвященные судьбе Сергея Чаплина.

Публикации рассказов Жженова «Этап», «Поворот судьбы» и, главное, «Убийство», без которых не удалось бы написать эту книгу, пришлось ждать до 2002 года (даты выхода полной версии его мемуаров, озаглавленной «Прожитое»). А интервью, в которых артист говорил о своем чудесном спасении и гибели своего друга, появлялись до его смерти в 2005 году.

С ленинградским делом деда мне удалось ознакомиться в процессе работы над этой книгой. Некоторые его части (доносы, полученные под пытками «признания» других обвиняемых, материалы реабилитации) до сих пор засекречены.

С делом Николая Чаплина ознакомиться не разрешили. На запрос моей дочери Ксении Леоновой ФСБ России 27 декабря 2016 года ответила:

«Сообщаем, что архивное дело в отношении Чаплина Николая Павловича хранится в Центральном архиве ФСБ России за № Р-2200.

В настоящее время материалы указанного дела проходят процедуру рассекречивания в Главной военной прокуратуре и Верховном суде Российской Федерации, по окончании которой Вам будет дан ответ окончательно».

Итак, никакой гарантии, что и через восемьдесят лет с дела двоюродного деда снимут гриф секретности, нет.

Но проблема не просто в материалах, но и во *внутренней готовности* работать с такими текстами, как написанные с партийных позиций книги, следственные дела, доносы, газетные статьи, материалы из семейного архива. Эти книги – часть идеологической наррации с элементами агиографии; их надо воспринимать с поправкой на неизбежное искажение. Еще хуже обстоит ситуация с протоколами допросов; их ведут следователи, только что пытавшие подсудимого, а теперь делающие вид, что тот признается чистосердечно и добровольно. Что-то они могли дописать потом, что-то наверняка исказила машинистка. Понятно, что принимать их за чистую монету, игнорируя все эти наслоения, нельзя. Что касается колымского дела, то оно от начала до конца построено на доносах лагерных «стукачей», так что факты приходится добывать по крупицам.

Поэтому повествование, как правило, сопровождается по возможности краткими комментариями.

Герои этой книги, как выясняется, менялись.

Так, начиная с 1931 года Николай Чаплин, все двадцатые годы борющийся за линию партии против Троцкого, Зиновьева, Каменева и других претендентов на ленинское наследство, стал критиковать Сталина и прощупывать возможность его смещения и замены (в качестве возможной кандидатуры на пост генсека упоминается старый большевик Ян Рудзутак).

Мой девятнадцатилетний дед из Москвы сообщает смоленскому другу о похоронах «бессмертного тела» товарища Ленина. В тридцать два года он уже пишет Берии о зверских пытках, после которых он, невиновный, дал нужные следствию показания; а еще через полтора года на Колыме, на горно-обогатительной фабрике «Вакханка», он при всех желает смерти «злому кавказскому коршуну» Сталину. В итоге он погибает, вступившись за вора по кличке Тихарь; из лагеря его угоняет такой же, как он, лейтенант госбезопасности (только не разведчик, а оперуполномоченный) по кличке Ворон. А через полгода этот Ворон спасает жизнь Георгию Жженову.

Без свидетельств Георгия Жженова эту книгу написать не удалось бы. Будущий кумир советских зрителей был последним, кто видел деда живым, не сомневаясь, что после протеста тому оставалось жить считанные дни. Он был на десять лет младше Сергея Чаплина, Октябрьскую революцию встретил в возрасте двух лет, вырос при советской власти, но тем не менее назвал в одном из поздних интервью Сергея Чаплина своим лучшим другом. А «подвиг разведчика» на руднике «Верхний» – по контрасту с его собственным чудесным спасением через полгода – стал основой жизненной философии артиста и неизменно приводился как пример непроницаемой сложности жизни (убийца его лучшего друга спас ему жизнь: вот и разберись, кто хороший, кто плохой).

В отличие от Жженова, другой герой книги, Варлам Шаламов, принадлежал к поколению «штурмовавших небо». Автор «Колымских рассказов» – самый жесткий, пожалуй, критик сталинизма – был поклонником революционной культуры двадцатых годов, многие годы носил на Колыме клеймо «троцкиста». Зимой 1937 – 1938 годов он застал поголовное уничтожение «троцкистов» в ходе так называемых «гаранинских» расстрелов.

Словом «кайрос» древние греки называли наилучшее время для осуществления какого-то дела. Кайрос для написания этой книги созрел долго. Надо было дожидаться момента, когда удастся избежать глобальных оценок того, что совершали ее герои, когда у читателя на осно-

вании рассказанного появится возможность *составить суждение самому*. Никого из протагонистов давно нет в живых, как нет и идеологии, которая в 60 – 80-е годы поднимала их на щит, как нет и государства, которое эту идеологию исповедовало. Но, с другой стороны, нет и иллюзии, во власти которой мы находились до конца девяностых годов, иллюзии того, что советское время безвозвратно прошло и его можно, облегченно вздохнув, предать забвению.

С наступлением нового тысячелетия то, что казалось сданным в утиль истории, вдруг, подобно вампиру, ожило, налилось жизнью, получило поддержку миллионов, стало политической реальностью. В России на обломках СССР утвердился режим, который яростно отрицает свое родство с Октябрем, но является его циничным завершением. Его представители заигрывают с православием и национализмом, проповедуют туманные «духовные скрепы», при случае славят царей, но живут, действуют и, главное, мыслят по законам спецслужбы, зародившейся при Ленине, а при Сталине проникшей во все поры общества, ставшей практически всесильной. То, что раньше обслуживало коммунистическую идеологию, теперь как бы эмансипировалось от нее и зажило собственной жизнью. Короче, ожило то, что мы с таким облегчением хоронили четверть века тому назад, причем ожило *без всего того*, что делало Октябрьскую революцию притягательной в глазах миллионов людей. Исчезли Атланты, державшие на своих плечах буржуазный мир, в свою противоположность превратился пролетарский интернационализм, освобождение женщины, коллективизм, вера в светлое будущее. (Собственно, еще сталинизм все это извратил, но СССР продолжал уверять внешний мир, что в нем живет дух Красного Октября.)

Напротив, нынешний режим, будучи во многом продолжением сталинского, заигрывает со старой Россией.

(Было бы интересно проследить, как революционный чекизм соотносится с современным; чем преступления ради идеи, которые совершали разведчики 20-х годов – вспомним хотя бы легендарные операции «Трест» и «Синдикат», – отличаются от современных «гибридных» войн, также планируемых как масштабные спецоперации. Но это – предмет другой книги.)

Когда организатор Холокоста Адольф Эйхман в 1962 году предстал перед судом в Иерусалиме, защищаясь, он не уставал повторять: «Я не убивал евреев. Я не убил ни одного еврея и ни одного нееврея – я не убил ни одного человеческого существа». Обвинение, по словам Ханны Арендт, «потратило слишком много времени на безуспешные попытки доказать, что Эйхман хотя бы однажды убил еврея собственными руками...»².

Да, как выяснилось, сам нацист не убивал, а «всего только» отправил на смерть миллионы евреев...

Вспомнилось об этом на Донском кладбище в центре Москвы.

Слева от входа, совсем рядом с ним, виден мраморный памятник Василию Блохину. На фотографии он в генеральской форме, при всех орденах.

«Как же так? – подумалось. – Ведь в 1954 году Хрущев лишил его как “дискредитировавшего себя за время работы в органах” генеральских погон и орденов?»

Оказывается, в конце 60-х годов при главе КГБ Андропове регалии Блохину, не афишируя, по-тихому вернули, а в 2003 году, уже при Путине, поставили импозантный монумент вместо старого, более скромного.

В отличие от Эйхмана, Блохин, предстань он перед судом, не мог бы уверять, что собственноручно никого не убивал. С 1924-го по 1953 год в его, начальника комендатуры ОГПУ – НКВД – МГБ, служебные обязанности входило приведение в исполнение смертных приговоров: он возглавлял «расстрельную команду», подпись Блохина стоит на многочисленных протоколах расстрелов, актах передачи трупов и кремации. За три десятилетия «безупречной

---

² Арендт Х. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. С. 43.

службы» Блохин лично убил от 10 000 до 15 000 человек; последний расстрел состоялся за три дня до смерти Сталина.

Благодаря кропотливой работе историков общества «Мемориал» за последние четверть века нам известно о человеке, который расстрелял Николая Чаплина 23 сентября 1938 года, а Александра Косарева – 23 февраля 1939 года.

«...Видных номенклатурных работников расстреливал обычно многолетний комендант ОГПУ – МГБ В.М. Блохин»³. Происходило это обычно в подвале здания НКВД в Варсонофьевском переулке рядом Лубянской.

Кенотаф Николая Чаплина (так же как и кенотаф Косарева) находится на кладбище Донского монастыря. Именно там кремировали жертв коменданта Лубянки и его «специальной команды».

Сталин внимательно следил за тем, как умирали самые известные из его врагов. Его ставленник Николай Ежов хранил «именные» пули, поразившие Зиновьева и Каменева; их изъяли у него во время обыска перед арестом.

«И, конечно, только Сталин мог приказать разыграть кошмарную сцену с расстрелом осужденных по делу “правотроцкистского блока”, заставив Бухарина и Ягоду перед казнью наблюдать за смертью 16 осужденных подельников, чтобы в конце “спектакля” самим получить пули»⁴.

Диктатор, о беспощадности которого ходят легенды, ценил главного «расстрельщика» Лубянки. В 1939 году Берия подготовил постановление на арест Блохина, однако, к своему удивлению, наткнулся на отказ Хозяина: «Со мной И.В. Сталин не согласился, заявив, что таких людей сажать не надо, они выполняют черновую работу»⁵. Коменданта оставили в покое; более того, при Берии он дослужился до генеральского чина; 6 февраля 1940 года ему доверили тайно расстрелять бывшего наркома внутренних дел Николая Ежова, на совести которого трагедия миллионов советских семей. В том же году состоялась расправа над польскими офицерами, в которой активно участвовала «группа Блохина»...

«Черновая работа» была воистину тяжелой. Члены «расстрельной команды» спивались, стрелялись, заболели, сходили с ума, объявлялись «врагами народа», некоторые погибли от пули своего бывшего начальника. Среди палачей были люди из личной охраны Сталина. Историки не устают удивляться: как патологически мнительного генсека, не доверявшего никому, «не пугало, что за его спиной маячат люди, привыкшие стрелять в затылок»⁶.

Ленин, Троцкий и их товарищи по партии были, как известно, «воинствующими атеистами». Поэтому, взяв власть, они – в пику категорически возражавшему православию – объявили именно кремацию предпочтительным видом захоронения. Церкви стали перестраивать под крематории. Не обошла эта судьба и храм преподобного Серафима Саровского на кладбище Донского монастыря; архитекторы Осипов и Тамонькин превратили его в крематорий: убрали иконостасы и киоты, снесли купол, заменив его 20-метровой бетонной башней, а на сцене и в алтаре установили печи. (Их, кстати, поставила эрфуртская фирма «J.A. Torf und Söhne», впоследствии снабжавшая своей продукцией Освенцим, Бухенвальд, Маутхаузен.)

В 1927 году крематорий заработал. Его директором стал Петр Нестеренко, дворянин, полковник царской армии, завербованный ОГПУ в Париже и возвратившийся в СССР с зада-

---

³ История сталинизма: жизнь в терроре. М.: РОССПЭН, 2013. С. 438.

⁴ Там же. С. 438 – 439. Сводил счеты с приговоренными к смерти врагами и нарком Николай Ежов: «Ежов велел Дагину [один из высокопоставленных чекистов, приближенный Ежова. – М.Р.] избить своего предшественника Ягоду перед исполнением приговора: “А ну-ка, дай ему за всех нас”» («Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 156).

⁵ Петров Н. Палачи. Они выполняли приказы Сталина. М.: Новая газета, 2013. С. 199 – 200.

⁶ Там же. С. 199. Другой историк Большого террора, А.Г. Тепляков, считает выбор «отца народов» вполне осознанным: «Сталин желал иметь палачей при себе, на глазах, доверяя им свою особу как лучшим охранникам. Люди, стрелявшие в затылок врагам Сталина, были именно теми, кому вождь мог доверить сохранность собственной головы» (История сталинизма. С. 439).

нием возглавить храм «огненного погребения». В 1937 – 1938 годах в крематорий с Лубянки Блохин и его люди ночью привозили трупы, с соблюдением строжайшей конспирации передавали их лично бывшему полковнику, который отвечал за их сожжение и последующее захоронение. На допросе в 1941 году арестованный «органами» Нестеренко показал: «После сжигания пепел... мною лично закапывался в специально отведенном месте во дворе крематория». Но где это место, уже никто не узнает – самого директора чекисты также расстреляли.

Стоит пройти в глубь Донского кладбища, как натыкаешься на участок в несколько квадратных метров с надписью: «Общая могила №1. Захоронение невостребованных прахов 1930 г. – 1942 гг.». Как будто их можно было востребовать! Как будто все мыслимое и немислимое не делалось для того, чтобы скрыть место захоронения!

Конечно, это – кенотаф. Чьи-то родственники воткнули таблички с именами близких – да разве уместить на крошечном участке имена более пяти тысяч жертв? На Донском похоронена элита Красной армии во главе с маршалами Тухачевским и Блюхером, режиссер Всеволод Мейерхольд, писатель Исаак Бабель, члены Антифашистского еврейского комитета, архиепископы... и их убийцы, в свою очередь ставшие жертвами.

В «Общей могиле № 1» символически захоронен и прах учителя моего деда, советского разведчика Григория Сыроежкина, расстрелянного на Лубянке в конце февраля 1939 года.

Символическое захоронение-кенотаф Николаю Чаплину родные обозначили в колумбарии 14 (секция 58) Нового Донского кладбища. Рядом урна с прахом его вдовы Розалии Исаковны Липской, умершей в 1975 году.

Рядом с общей могилой виден памятник, поставленный вдовой Косарева. На нем написано: «Косарев Александр Васильевич, род. 14.XI 1903 – расстрелян 23.II 1939. Прах в братской могиле рядом. Нанеишвили Мария Викторовна. 22.IX 1907 – 25.VIII 1993».

Здесь, на кладбище, два генеральных секретаря ВЛКСМ, первый и последний, вместе с их вдовами встретились в последний раз.

Правильнее сказать: их прах не в самой братской могиле, а где-то здесь, на Донском кладбище.

Жертвы не имеют имен, эта привилегия предоставлена исключительно выжившим палачам. Рядом с Блохиным похоронен его заместитель Петр Яковлев и надпись: «Дорогому любимому отцу и мужу».

В Москве десятки кладбищ. Почему Василия Блохина и его заместителя надо было хоронить именно здесь, рядом с беззащитными, беспорядочно рассеянными останками их многочисленных жертв? Если бы это было случайностью, ошибкой, памятник давно убрали бы, перенесли в другое место. Но почему-то он должен стоять именно здесь!

Такое впечатление, что кто-то хотел послать обществу сигнал: правота, как и тогда, при Сталине, все так же на стороне палачей, жертвы по-прежнему находятся под их неусыпным наблюдением.

Глядя из Европы, такое трудно себе представить, так что невольно спрашиваешь себя: не симптом ли эта зашита раковая опухоль, это кровосмешение убийц и их жертв, этот зловещий карнавал болезни, настолько тяжелой, что по сравнению с ней любое раскаяние, любые извлеченные из прошлого уроки будут связаны с огромным облегчением?

Еще более запутанной является в плане захоронения история моего деда. В случае Николая Чаплина мы по крайней мере знаем: его расстреляли 23 сентября 1938 года, скорее всего в Варсонофьевском переулке, рядом с Лубянкой, сделал это Блохин или кто-то из его «специальной команды». Труп был отвезен в крематорий Донского кладбища и передан под расписку Нестеренко, который его кремировал и где-то там захоронил. Вдова попросила похоронить себя там, на Донском, рядом с мужем: где точно он лежит, неизвестно, но ясно, что где-то рядом, поэтому это *ближний кенотаф*.

Иная ситуация с Сергеем Чаплиным. Неизвестно, *ни когда, ни кем, ни где* именно он расстрелян (зато более чем понятно, за что). Ясно только, что на Колыме, в районе Оротукана, скорее всего в конце лета – начале осени 1941 года.

Поэтому его кенотаф на Востряковском кладбище в Москве, рядом с его женой и дочерью, является дальним, *очень дальним кенотафом*. Он служит не более как напоминанием о его существовании. И дата смерти на памятнике – 14 февраля 1942 года – ничем не подтверждена, возможно, просто была вписана в расстрельный приговор задним числом, как говорится, «от фонаря». Почему надо верить тем, кто до этого постоянно лгал: уверяли, что он умер от воспаления легких, потом называли другие даты и, наконец, почему-то, прямо по-кафковски, не удостоив объяснением, остановились на этой.

Тело Сергея Чаплина вместе с сотнями тысяч других лежит где-то в вечной мерзлоте. Историей оно причислено к сонму тех, кому посвятил свое творчество Варлам Шаламов. *Оно где-то там...* Никакая конкретизация этого «где-то там» невозможна и уже никогда не будет возможна. Такова судьба колымских мучеников.

Прах Станислава Мессинга, к которому Сергей Чаплин пришел в 1927 году записываться в разведчики, покоится в братской могиле на расстрельном полигоне Коммунарка.

Не менее трагично сложилась судьба тела Бесо Ломинадзе. В 1935 году он, как известно, застрелился, чтобы избежать позора – ареста именем советской власти. В Магнитогорске партийного секретаря уважали и поставили ему достойный памятник.

«Ломинадзе похоронили за Магнит-горой на общем кладбище. Памятник поставили железный. За одну ночь сварганили в прокатном цехе. И ограду железную сварили. Все честь по чести. По-людски. На похороны приехала жена Нина Александровна и сын Сергей. Только недолго могила была могилой. Ночью *по чьему-то указанию* [курсив мой. – М.Р.] сломали ограду, памятник погрузили на машину, увезли. Могилу с землей сравняли, засыпали снегом...»⁷

Уточнять, по чьему указанию уничтожили могилу и потом каленым железом выжигали память о Ломинадзе, думаю, не стоит: «отец народов» мстил и мертвым, запрещая живым о них помнить.

Даже упоминать имя Ломинадзе в Магнитогорске стало опасно. За то, что Маргарита Яковлевна Далинтер, секретарь одной из партячеек на мартене Магнитогорского комбината, на партсобрании предложила почтить память Бесо минутой молчания, ее обвинили в пособничестве врагам народа и двурушничестве. «Десять лет она платила за свой поступок в лагерях, еще десять пробыла на поселении»⁸. Двадцать лет за минуту молчания по человеку, которого Сталин приказал забыть навсегда!

Ни один из героев моего повествования не удостоился собственной могилы. Прах некоторых из них смешан с прахом их палачей. Все было сделано для того, чтобы от них не осталось следов. Даже сам факт расстрела был цинично превращен в «десять лет без права переписки».

Мертвые действительно переписываться не могут. Зато родственники годами ждали, верили, мучили себя надеждой...

1957 год, празднование 40-летия Октябрьской революции; унылое торжественное заседание в Большом театре. Мне девять лет, сижу перед крошечным черно-белым экраном. Неожиданно меня охватывает невероятно радостное чувство: как же мне все-таки повезло! Ведь я доживу до начала нового тысячелетия и, главное, до столетия Красного Октября!

Первое событие застало нас с женой в подмосковном доме отдыха. В баре все нервно толпились у телевизора; в ночь на 1 января 2000 года президент Ельцин передавал власть Путину.

---

⁷ Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991. С. 97. Цит. по: http://www.hrono.rubiograf/bio_1/lominadze.php

⁸ Цит. по: http://www.hrono.rubiograf/bio_1/lominadze.php.

Полное разочарование: ничего даже отдаленно похожего на детские грезы реальностью так и не сделалось.

Представление о том, каким должен был стать СССР в столетнюю годовщину Октября, дает диафильм «В 2017 году», выпущенный в 1960 году.

Советские люди на «межзвездных кораблях» направляются к планетной системе Альфа Центавра; они построили плотину через Берингов пролив, по которой летят «атомные поезда». Климат стал намного более мягким. Развернув Енисей и Обь, внуки Ленина спасли Каспийское море от обмеления. Они овладевают «вечным источником энергии».

Героя фильма Игоря легким щелчком по носу будят стенные часы. В кухне мальчика ждет сюрприз: мама оставила кулинарной машине записку. Он запускает ее в агрегат, невидимые лучи считывают очертания букв, ковши-автоматы отмеряют, сколько нужно пищи, ножи нарезают овощи – и вот любимый завтрак уже готов. С экрана «телевидеофона» на сына смотрит мама: она на палубе корабля, «инспектирует черноморские плавучие детские сады». Через полчаса Игорь уже в Арктике, вместе с «местными работниками» спускается в подземный город Углеград на ковше экскаватора. Там люди загорают под «кварцевым светилом», хотя наверху свирепствует пурга. «У нас тут, под землей, вечная весна», – поясняет детям главный инженер города. Климат Углеграда советские люди тоже берут под контроль. Они строят летающую станцию «на мезонной энергии», которая в силах справиться с капризами арктической погоды. «У летающей станции управления погодой очень большое будущее. Человек будет в кабинете нажимать кнопки радиоуправления – и машина полетит и усмирит ураган, уничтожит шторм».

Но находящийся при последнем издыхании капитализм продолжает вредить Стране Советов: «Только что сообщили, что последние империалисты на далеком острове испытали запрещенное мезонное оружие. Взрыв небывалой силы уничтожил весь остров и вызвал пертурбации в атмосфере на планете». Умная советская машина предсказала шторм в 12 баллов на Черном море. Ураган угрожает «плавучим детским садам», которые инспектирует мама Игоря. Отец Игоря, главный синоптик страны, хозяин погоды, устремляется на помощь на летающей станции; она отключает «мезонные молнии», и смерч утихает. Сотни людей спасены. Но ураган еще угрожает Москве, которая наряжается к празднику. Летающая станция смиряет и его. «Ликующая столица готовилась к столетию Великого Октября. Это торжество совпало с победой советской науки над природой».

Итак, природа побеждена, империалисты исчезли с лица земли. Теперь планета безраздельно принадлежит СССР.

И вот мы в 2017 году. Из многочисленных чудес, описанных в упомянутом диафильме, в нашем распоряжении имеются только «телевидеофоны» и кухонные комбайны, да и то импортного производства. Империалисты не просто не взорвали себя на последнем острове, как это грезились создателям диафильма «В 2017 году», но значительно расширили свои владения, придвинувшись к границам России. Да и сама она рекламирует себя как развивающаяся капиталистическая страна. Овладеть природой не удалось, наоборот, зависимость от нее в стране, живущей за счет продажи углеводородов, возросла. В потеплении, которое в СССР подавалось как благо, экологи и политики видят огромную проблему.

Во главе оргкомитета по празднованию столетия революции стоит... нет, не историк, а глава службы внешней разведки. На вопрос о том, как они оценивают Красный Октябрь, три четверти читателей оппозиционного сайта kasparov.ru ответили: «...Этим событием история показала тупиковый путь развития страны, то, что “так жить нельзя”»⁹. Ответ тем более актуальный, что наша страна, похоже, уперлась в очередной тупик. Поэтому Совет безопасности России больше всего опасается, как бы празднование не повредило нынешней власти, как бы юбилеем не воспользовались ее многочисленные враги, как бы в массах не проснулась генети-

---

⁹ Цит. по: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=589B1705F3FE4>.

ческая память об Октябре. Короче, революцию рано списывать в архив, объявлять достоянием истории – она часть настоящего, предмет политической борьбы.

То же относится и к ее последствиям, к миллионам ее жертв и палачей. «Мы все, выросшие в России, – внуки жертв и палачей. Все абсолютно, все без исключения. В вашей семье не было жертв? Значит, были палачи. Не было палачей? Значит, были жертвы. Не было ни жертв, ни палачей? Значит, есть тайны»¹⁰.

Урок этой книги в том, что жертвы и палачи многократно менялись местами и выделить их в чистом виде возможно лишь в редких, исключительных случаях. Если заменить оценочное слово «палач» на более нейтральное «агент террора», то огромное большинство таких «агентов» сами в тот или иной период своей жизни были жертвами. Принадлежность к первоначальному большевизму делала партийцев по определению «агентами террора», но мало кто из них избежал расстрела во время Большого террора.

Поэтому любой пуризм (стремление выделить на одном полюсе палачей, на другом – их жертв) применительно к истории СССР не уместен; слишком часто перетасовывались и та и другая колоды, слишком редко встречались эти типы в чистом виде. Когда 30 октября каждого года у Соловецкого камня на Лубянке люди зачитывают имена жертв советских репрессий, в их числе неизбежно оказывается множество «агентов террора». Это не только члены ВКП(б), сотрудники НКВД, судьи, прокуроры, военные, но и многомиллионная армия «стукачей», без которой террор никогда не достиг бы таких эпических размеров. В стране с более чем наполовину закрытыми архивами рано расставлять точки над *i*, как бы этого кому-то ни хотелось.

Кайрос для написания этой книги созрел, когда у автора появилась возможность достаточно подробно описать контекст, в котором действовали герои, по возможности не прибегая к оценочным суждениям. Современникам право на оценку давало то, что они сами когда-то приняли иное решение, сделали иной выбор в том же контексте. Я понимаю Олега Волкова, пронесшего через ужасы ГУЛАГа звание русского дворянина, когда он, обращаясь к своей современнице Евгении Гинзбург, клеймит оказавшихся за решеткой «слуг режима»: «Беды и страхи, которые вы считали справедливым обрушивать на всех, кроме вашей “элиты”, коснулись вас. Грызня за власть кончилась вашим поражением. Если бы ваша взяла... вы бы точно так же стали бы избавляться от настоящих или предполагаемых конкурентов! Вы возмущаетесь, клеймите порядки, но отнюдь не потому, что прозрели, что вам открылась их бесчеловечность, а из-за того, что дело коснулось личной вашей судьбы!»¹¹ Но я понимаю и Варлама Шаламова, назвавшего «мучениками» всех (за исключением блатных) жертв Колымы, независимо от того, какие взгляды они исповедовали.

Такого рода суждения – право современников, которым мы не обладаем. Наша цель – как можно лучше понять случившееся.

Если моя книга хоть в чем-то этому поспособствовала, ее задача выполнена.

Я благодарен Наталии Черкесовой и Ксении Леоновой за то, что они предоставили в мое распоряжение документы из семейного архива и другие материалы, необходимые для написания этой книги.

Благодарю также Hamburger Stiftung zur Förderung von Wissenschaft und Kultur и Международный колледж «Морфомата» при Кельнском университете за многолетнюю поддержку моей работы.

Посвящаю книгу моей маме Сталине Сергеевне Чаплиной в надежде, что имя (производное от фамилии «Сталин»), данное ей отцом во времена борьбы с «троцкизмом» и проклятое

---

¹⁰ Цит. по: <http://agonia-ru/archives/717>.

¹¹ Волков О. Погружение во тьму. Из пережитого. Православное братство святого апостола Иоанна Богослова. М., 2008. С. 318.

им на Колыме, имя, до сих пор, увы, определяющее судьбы России, станет, наконец, достоянием истории и историков.

Часть 1. Штурм неба. Николай Чаплин

К празднику революции

Мой прадед по матери Павел Павлович Чаплин, православный священник и сын священника, женатый на дочери священника, был человеком для своего сословия необычным. «Высокий, плотный, с густой шевелюрой, умным лицом», усердия в прославлении царя и отечества не проявлял, с паствой держал себя просто, с другими лицами духовного звания дружбу почти не водил. Если верить одной из советских брошюр, он был вольнодумцем: «Не гоже так, отец Павел, – корили его попы из соседних церквей при встречах. – Веру подрываешь. Народ должен бояться Бога, суда его. А ты?»

– С мужика все три шкуры дерут, – стоял он на своем.

Попы крестились и спешили отойти от крамольного священника...¹²

Дружил с теми, в ком видел «честную душу, горячее сердце народных защитников». Все это не нравилось властям.

Через год после Кровавого воскресенья, 9 января 1906 года, в церкви села Мигновичи при большом стечении народа отец Павел произнес проповедь, в которой резко осудил с амвона расстрел рабочих в Петербурге.

Такое не прощалось. Жандармское управление потребовало «обуздать расходившегося попа», после чего из Смоленской епархии прислали нарочного с грозным предписанием: «Священнику Мигновичского прихода отцу Павлу надлежит без промедления явиться к архимандриту смоленского монастыря для принятия епитимьи»¹³.

Вернулся он из монастыря через год, забрал детей и переехал в другое село.

Стал осторожнее, но среди священства по-прежнему слыл бунтарем. Отец Павел и его старший сын Александр, студент медицинского факультета Московского университета, собирали у себя друзей, спорили о политике, пели «бунтарские» песни. Осенью 1916 года Александра за участие в нелегальной студенческой сходке арестовали, исключили из университета и выслали под надзор полиции в Рязань.

Мать семейства, Вера Ивановна, была учительницей в земской школе. В доме устраивались дружеские вечеринки, отец Павел играл на фисгармонии. Под его аккомпанемент хором исполнялись русские и украинские народные песни, хозяйка дома с упоением читала стихи Николая Некрасова, молодежь танцевала.

В доме отца Павла светских книг было больше, чем духовных, которые он держал в основном в храме. На пасхальные проповеди съезжалось много людей, в том числе и потому, что у прадеда был замечательный баритон. В молодости он даже подумывал о карьере оперного певца. Мечта не осуществилась, но «уж всем своим пятерым детям (четырем сыновьям и дочери) он решил дать светское образование, воспитать их по-настоящему культурными людьми»¹⁴.

Отец Павел был неуживчив, не ладил с начальством, за что оно гоняло его по самым бедным приходам Смоленской губернии. И у его жены, сельской учительницы, жалованье было более чем скромным. Семья бедствовала.

---

¹² Москвичев А.Н., Соколов Я.Д. Николай Чаплин. Тула: Приокское книжное издательство, 1969. С. 7 – 8.

¹³ Москвичев А.Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁴ Чаплина Н. Что остается внукам. С. 3 (рукопись).

Как и все крестьяне прихода, отец Павел сам обрабатывал свой участок земли, пахал и сеял, заготавливал сено и дрова. Дети вместе с крестьянскими ребятами гоняли лошадей в ночное, пекли картошку в золе, ивовой корзиной ловили рыбу. «Подрастая, ребята учились ходить за плугом, боронить, вязать снопы»¹⁵.

Уже после революции сын Павла Павловича, Николай Чаплин, на вопрос анкеты о социальном положении родителей написал – «интеллигенты». «И это была правда. Мария Павловна [единственная дочь отца Павла. – *М.Р.*] рассказывала, что в доме, куда они перебирались в очередной раз, на стену первым делом вешался портрет Льва Николаевича Толстого. Проклинать великого писателя с амвона отец Павел наотрез отказался»¹⁶.

О накаленной атмосфере тех лет уже в советские годы в статье «Движение учащейся молодежи в Смоленске (1912 – 1913 годы). Из воспоминаний участника» вспоминал старший сын отца Павла – Александр Чаплин.

В 1912 – 1913 годах в Смоленске возникли нелегальные кружки, в которых учащиеся читали Белинского, Некрасова, Горького – авторов, не допускавшихся в школьные программы, изучали марксистскую литературу, устанавливали связи с подпольными рабочими организациями. Радикализации учеников способствовала политика царского министра просвещения Льва Кассо: он ограничил инициативу учителей, особенно историков, детальными школьными программами, усилил внешкольный надзор за учениками, поставил земские библиотеки под контроль своих чиновников. В ответ на репрессивные меры царского министра смоленские учащиеся создали подпольную библиотеку, в которой были книги Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Бебеля, Либкнехта, Лафарга, Жореса, все три тома «Капитала», «Коммунистический манифест», номера газеты «Искра» и легального большевистского журнала «Просвещение». Библиотека передавалась из рук в руки; несмотря на усилия учебного начальства и полиции, обнаружить ее не удалось.

Студенческие кружки нелегально размножали на гектографе социал-демократическую газету «Искра» и журнал «Свободная мысль».

В 1912 году ученики старших классов 1-го Реального училища объявили забастовку против произвола черносотенной администрации, полицейской слежки за учащимися. Готовилась стачка всех смоленских школ, на уроках и на переменах трещали взрывы петард. Стачка учащихся не состоялась только потому, что на одно из собраний нагрянул отряд полиции, часть присутствующих была арестована.

«Осенью 1913 года имело место организованное выступление смоленских учащихся, вылившееся в демонстрации протеста против царских мракобесов, которые сфабриковали в то время дело Бейлиса...»¹⁷

В 1914 году Россия вступила в войну, откликнувшуюся через три года двумя революциями, Февральской и Октябрьской.

«Все переменялось в семнадцатом году. Семья Чаплиных встретила [Октябрьскую. – *М.Р.*] революцию, как весну, как самый великий праздник»¹⁸.

Вера Ивановна и сестра Александра, Мария, вступили в союз учителей-интернационалистов, участвовали в перестройке школы, вели культурно-просветительную работу среди крестьян.

Павел Павлович сбросил рясу, оставил церковь, уехал с семьей в Смоленск и начал работать в новых советских учреждениях – некоторое время в области внешкольного образования, а затем в доме просвещения Красной армии.

---

¹⁵ Москвичев А.Н. Указ. соч. С. 9.

¹⁶ Чаплина Н. Указ. соч. С. 3.

¹⁷ Чаплин А. Движение учащейся молодежи в Смоленске (1912 – 1913 годы). Из воспоминаний участника. Шагай вперед, комсомольское племя. Смоленск, 1963. С.18.

¹⁸ Москвичев А.Н. Указ. соч. С.10.

Александр Чаплин в феврале 1918 года стал комиссаром просвещения Смоленской губернии. 10 марта 1918 года в газете «Звезда» при его активном участии появляется обращение «К делу, товарищи!»: «Самыми активными, самыми горячими революционерами во все времена была молодежь. В Октябрьскую революцию первыми на баррикадах были юноши. Сейчас вся Россия покрывается организациями молодежи. В Петрограде, Москве... в городах провинции, в деревнях – везде, как грибы, растут организации молодежи. Цель их – служение международной революции всеми силами. На баррикадах, на митингах оружием и словом бороться против чудовищного “законного рабства”, которым сковала буржуазия народы.

Каждый член “Союза рабочей молодежи III Интернационал” несет в свою организацию все, что в нем есть прекрасного: свою молодость, знания, ненависть к угнетателям...

Юноши и девушки! У нас в Смоленске нет этой организации. Мы распылены, каждый предоставлен сам себе. Этого не должно быть! Юноши-рабочие и девушки! Идите скорее под наши красные знамена!»¹⁹

Но далеко не у всех семей служителей культа отношения с революцией складывались так благополучно, далеко не все были готовы складывать с себя сан и вливаться в революцию.

По российскому духовенству, уверен Варлам Тихонович Шаламов, революция ударила с особой силой. У знакомых дворян нередко отыскивались родственники, имеющие заслуги перед революцией: такие справки спасали от статуса «лишенца», давали права. У огромного большинства священников, в отличие от Чаплина, нужных новой власти доказательств враждебности царскому режиму не было. Не было их и у вологодского священника отца Тихона Шаламова, сторонника обновленчества, течения, во главе которого стоял митрополит Александр Введенский. Хотя его сторонники настаивали на светской, мирской интерпретации православия (митрополит считал Христа «земным революционером невиданного масштаба», приобщил к лику святых собственную мать и т. д.), новую, радикально атеистическую власть это не устраивало: она не осознавала пределов собственного богоборчества, видя в любых нераскаявшихся служителях культа своих врагов. «Отцу, – пишет автор «Колымских рассказов», – мстили все – и за все. За грамотность, за интеллигентность. Все исторические страсти русского народа хлестали через порог нашего дома»²⁰. В 1918 году семья Шаламовых была разорена, ей стал угрожать «самый обыкновенный голод». Не спасали мамины пирожки, который одиннадцатилетний Варлам продавал на базаре. Мать семьи стояла на кухне, пыталась что-то приготовить из гнилой картошки.

Отец будущего писателя любил хорошие вещи (в доме был шкаф красного дерева, шкафы карельской березы, бобровые шубы). Писатель на всю жизнь запомнил, как в 1918 году из квартиры исчезла мебель – ее в обмен на продукты унесли местные крестьяне. Вместе с вещами у Шаламова исчезли иллюзии по поводу благостной природы простого народа, которые десятилетиями культивировала русская интеллигенция: грубо обнажилась его «стяжательская душа». «Общением с революцией были не только обыски, но страшные фигуры подлинных грабителей, выволакивающих вещи при униженной улыбке матери»²¹.

Другой «прелестью» революции было уплотнение: в квартиры прежних владельцев подсаживали новых жильцов, как правило членов партии. Соседом Шаламовых на какое-то время оказался кузнец, ударник производства; после работы, напившись самогона, этот Геракл нещадно избивал свою жену.

Александр Чаплин, вступив после революции в партию, сначала стал заведующим Смоленским отделом народного образования, а вскоре после этого, в 1922 году, переехал в Москву и работал заведующим сначала организационно-инспекторским отделом, а затем админи-

---

¹⁹ Чаплин А. Движение учащейся молодежи. С. 18 – 19.

²⁰ Шаламов В. Собрание сочинений. М.: Книжный клуб Терра, 2005. Т. 4. С. 116.

²¹ Шаламов В. Собрание сочинений. Т. 4. С. 131.

стративно-организационным управлением Народного комиссариата просвещения РСФСР под руководством наркома Анатолия Луначарского.

Не исключено, что Александр видел в Наркомате юношу, пришедшего за разрешением на комнату в общежитии 1-го МГУ. «Я был принят в университет, но без общежития, как москвич, и жилье, крыша над головой, стало трудной неотложной проблемой... На Сретенском бульваре мы быстро отыскивали кабинет Луначарского, обратились к секретарше»²².

Разрешение в итоге выдал заместитель Луначарского, а юношей был Варлам Шаламов.

Шаламов был поклонником Луначарского, тепло отзывался в 60-е годы о его диспутах с главой обновленцев, митрополитом Введенским, знавшим шаламовского отца как одного из своих сторонников, на тему «Бог ли Христос?», восхищался его энциклопедическими познаниями и, главное, способностью доносить их до молодежи. Молодому человеку из Вологды и его товарищам нравилась манера наркома произносить «по-западному» слова «революция», «социализм», «интернационал».

И не только: «Нам нравилось, что носовой платок наркома всегда белоснежен, надушен, что костюм его безупречен. В двадцатые годы все носили шинели, кожаные куртки, кители. Моя соседка по аудитории ходила в мужской гимнастерке и на ремне носила браунинг... Это не был протест против курток, но указание, что время курток проходит, что существует заграница, целый мир, где куртка – костюм не вполне подходящий...»

Он любил говорить, а мы любили его слушать»²³.

Между тем «время курток» – особенно черных, кожаных, которые с 18-го года, при Дзержинском, носили чекисты, – еще только наступало; читая эти строки, понимаешь: у юноши с такими вкусами с наступающим сталинским временем – даже независимо от политических убеждений – будут проблемы. Падения железного занавеса, отделившего СССР от остального мира, предстояло дожидаться более полувека.

---

²² Шаламов В. Новая книга. Воспоминания, записные книжки, переписка, следственные дела. М.: ЭКСМО, 2004. С. 138.

²³ Шаламов В. Собрание сочинений. Т. 4. С. 324.

«Совесть России» обличает большевиков

Что Ленин на самом деле думал о непоколебимой человечности, какую писатель-народник Владимир Галактионович Короленко неизменно – как до, так и после октябрьского переворота – проявлял по отношению к жертвам несправедливости, известно.

Он писал Максиму Горькому в 1919 году: «...Короленко ведь лучший из “околокадетских”, почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны! Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками! Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистической войне – дело, заслуживающее поддержки (*делами*, при слащавых фразах против войны), а гибель сотен тысяч в справедливой гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики. Нет. Таким “талантам” не грех посидеть... в тюрьме, если это надо сделать для предупреждения заговоров...»²⁴

Но не считаться с огромной популярностью Короленко такой расчетливый политик, как Ленин, не мог.

Он посоветовал нарктому просвещения Анатолию Луначарскому начать переписку с заслуженным народником – в надежде склонить того на сторону большевиков: «Надо попросить А.В. Луначарского вступить с ним в переписку: ему удобней всего, как комиссару народного просвещения, и к тому же писателю»²⁵

---

²⁴ Цит. по: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%...>

²⁵ *Короленко В.* Письма Луначарскому // *Есть всюду свет. Человек в тоталитарном обществе.* М.: Возвращение, 2000. С. 13.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.